

Хорошие художники копируют,
великие художники воруют.

Пикассо

То, что с бабушкой что-то не так, Александра поняла почти сразу: он всегда звонил ей в половине седьмого утра в будние дни, а на сей раз этого не произошло.

А ведь он был так пунктуален — и этот звонок являлся одной из его *чудинок*. Тех самых, которых у бабушки было предостаточно, после трагической смерти ее родителей он сильно сдал, и немудрено.

Однако любила Саша его из-за этих причуд ничуть не меньше, а, вероятно, даже и больше. В конце концов, ведь не у каждого бабушка — *академик!*

А у нее и академик, и профессор, и доктор наук, причем *дважды*, и декан, пусть и бывший.

Но дело в то хмурое февральское утро, столь типичное для зимнего Ленинграда, было, конечно же, не в этом. Она-то и не сразу заметила, что бабушка не позвонил: только уже встав, умывшись и позавтракав (то есть проделав тот самый ритуал, который стал у нее обязательным после того... после того, как родители прошлым летом *не вернулись* с Памира), когда Саша уже оделась и собиралась в Академию, она вдруг поняла: чего-то не хватает.

Не хватало, конечно же, чужих конспектов по курсу «Творческое восприятие. Диалог с произведением» истории искусств, которые она обещала переписать и вернуть в понедельник (первого она не сделала, однако это была не причина не возвращать, тем более что на-

ступил уже вторник), и, судорожно отыскивая их среди вороха бумаг на бывшем рабочем столе отца, ставшем после гибели хозяина на Памире ее рабочим столом, наконец-то обнаружила искомое под кипой ярких зарубежных журналов, принадлежавших маме.

Журналы пришли по почте уже после ее смерти.

Засовывая чужие, так и не переписанные конспекты в портфель, Саша про себя усмехнулась: строгий дедушка, конечно же, не стал бы гордиться такой нерадивой студенткой, какой являлась его единственная внучка-второкурсница.

Благо, что в свое время она сумела настоять на своем и не пойти по стопам отца или деда, вместо географии, которой занимались они оба, выбрала искусствоведение, а вместо Ленинградского государственного университета — Академию художеств имени Репина, знаменитую Репинку.

Мама ее в этом горячо поддержала, хотя ведь дедушка не сомневался, что внучка, как и он сам, как и его сын, отец Саши, посвятит себя геоморфологии — науке о возникновении Земли и происходящих в ее рельефе процессах, в которой дедушка-академик давно был корифеем, а отец-профессор обещал вскоре сделаться таковым.

Да, мама единственная поняла и поддержала ее, и им вместе пришлось убеждать своих упрямых любимых мужчин, доказывая, что эта самая геоморфология — не ее. Отец вроде бы понял и смирился, а дедушка и не понял, и не смирился, все надеясь, что внучка переменит решение и рано или поздно бросит эту благую затею с искусством и поступит на географический факультет Ленинградского государственного университета, которым он до недавних пор бессменно руководил в течение почти двух десятков лет.

Саша знала, что *серьезный разговор* намечался на конец лета, после возвращения родителей, альпинистов-любителей, с Памира. И что в центре этого *серьезного разговора* опять же были бы ее жизненная стезя и переход в ЛГУ на географический факультет.

Только вот родители в прошлом августе с Памира не вернулись, оставшись там навечно: они, как и еще несколько альпинистов-любителей, погибли в сошедшей лавине, которая навсегда погребла их под собой.

Разговора о том, чтобы перейти в ЛГУ, не последовало, хотя Саша ждала, что теперь-то дедушка задействует все регистры, чтобы настоять на своем. И ведь она не смогла бы ему отказать, хотя прекрасно понимала: геоморфология — ну совсем *не* ее!

Однако дед, видимо потрясенный смертью сына и невестки, замкнулся в себе, стал еще больше чудить и теперь уже практически не покидал свою большую квартиру на Петровской набережной, давно уже являвшуюся его личной крепостью и музеем.

А теперь и персональной *тюрьмой*.

Да, дедушка... Она думала о нем каждое утро, и едва это происходило, раздавался его звонок: ровно в половине седьмого, ни минутой раньше, ни минутой позже.

И только засовывая чужие, так не переписанные конспекты в портфель, Саша поняла: в этот февральский вторник дед так и не позвонил.

Неужели она так рано поднялась, хотя всегда любила поспать?

Часы показывали *почти восемь*.

Подойдя к большому кнопчному телефону, Саша подняла трубку — неисправен, что ли? Да нет же, раздался непрерывный зуммер: телефон вполне себе работал.

Но почему же дедушка *тогда* не позвонил?

Чувствуя, что у нее екает сердце, а под ложечкой посасывает, Саша быстро набрала его номер. Дедушка вообще-то не любил, когда ему звонят, предпочитал делать это сам, однако в этот раз можно было нарушить столь милые его сердцу ритуалы.

Никто не брал трубку.

Выждав несколько мучительных минут и сосчитав количество гудков (двадцать два), Саша повесила трубку, чтобы тотчас позвонить снова.

Нет, дедушка, конечно же, давно встал — он всегда поднимался рано, а после смерти родителей просыпал-

ся в три, а то и в два часа ночи, предпочитая работать в своем кабинете.

Ну или заниматься своей коллекцией, которая теперь, после гибели Сашиных родителей, стала в его жизни всем — хотя, наверное, являлась этим и до того.

Ну да, что у него еще оставалось — коллекция картин да внучка Александра.

Та самая, которая никак не хотела заниматься геоморфологией.

Понимая, что что-то случилось (ни в какой гастроном дедушка, конечно же, не ушел, хотя под домом располагался знаменитый «Петровский»), она судорожно размышляла, что же делать.

В Репинку не поедет, а отправится к бабушке, чтобы проведать его. Только вот загвоздка в том, что ключей от бабушкиной квартиры у нее нет. Их *ни у кого* не было, даже в свое время у родителей: бабушка никому их не оставляла, панически переживая за свою коллекцию картин.

Ту самую, которая стала теперь, после смерти ее родителей, смыслом его жизни.

Да и ключей было, надо сказать, *много*: дверь в квартире бабушки в знаменитом Втором доме Ленсовета на Карповке, так называемом «Дворянском гнезде», обитающем советской элиты, в основном интеллектуальной, педагогической и творческой, была бронированной — прямо как в банке.

А количеству замков в этой бронированной двери мог бы позавидовать сам Шеф из «Бриллиантовой руки» — и с годами их число только увеличивалось. Ну да, был у бабушки этот самый «пунктик» насчет безопасности его обширной коллекции картин русского искусства, в основном (но не только) русского авангарда, которую он собирал чуть ли не всю свою жизнь и которая была его главным и, вероятно, единственным детищем — и до гибели Сашиных родителей на Памире, и уж точно *после*.

Это всегда казалось ей странным: бабушка не только в геоморфологии разбирался лучше всех в стране, являясь специалистом мирового уровня, одним из при-

знанных международных научных авторитетов по тектонике литосферных плит, но и в русской живописи конца девятнадцатого — начала двадцатого века.

Образчики которой украшали стены его квартиры на Карповке.

И при этом он был категорически против, чтобы его единственная внучка поступила в Академию художеств имени того самого Репина, портрет работы которого в коллекции дедушки также имелся, и он им особенно дорожил — наряду с портретом кисти Пикассо.

На полотне Репина была запечатлена бабка дедушки, дочка миллионщика Каблукова, а на холсте Пикассо так называемого «голубого» периода — дедова мамушка в детском возрасте: Пикассо, согласно семейной легенде, написал этот портрет в течение одного сеанса в Париже, куда бабушка и матушка деда прибыли в начале века, за целых *двести франков*.

Причем для дедушки это была никакая не легенда, а быль, да и сходство Сашиной прабабки на фотографии со смурной, будто мучившейся зубной болью, не очень красивой девочкой в матросском берете с полусгрызенным леденцом на палочке на небольшом полотне работы французского мастера было более чем явным.

И дедушка не раз повторял, что он единственный в СССР человек, у которого в частной коллекции находится полотно работы Пикассо. Ну и, помимо этого, и Репина.

Он гордился, что сумел-таки прорваться на выставку Пикассо, которая проходила в Ленинграде в декабре 1956 года на третьем этаже Эрмитажа, и после этого написал восторженное письмо Пикассо во Францию, причем на французском (которым, как и английским, дедушка благодаря своей матушке, запечатленной этим самым Пикассо, и бабуле, увековеченной Репиным дочке миллионщика, владел если не как родным, то *почти как* — и сумел привить его и сыну, и внучке), однако ответа, конечно же, если таковой вообще был, не получил.

СССР после трагических событий в прошлом августе не стало (как, впрочем, и Сашиных родителей: они поги-

бли ровно за неделю до путча, так что вся политическая катавасия, имевшая место уже после трагедии на Памире, прошла мимо находившейся в погребальном трансе Саши), зато появились так называемые новые русские и даже какие-то там *олигархи* — так что вполне могло стать, что отныне дедушка являлся не единственным частным владельцем картин Пикассо и Репина на территории СССР, ныне уже бывшего.

Наконец-то дедушка взял трубку.

— Доброе утро, деда! — бодро произнесла Саша, прекрасно помня, что дедушка терпеть не мог, если она не здоровалась, хотя в данном случае было бы оправданно сразу начать с места в карьер. — У тебя... у тебя все в порядке?

Вопросов о своем здоровье дедушка терпеть не мог, однако должна же она знать, отчего он не позвонил ей в половине седьмого.

Ведь он всегда звонил в половине седьмого в будни и половине восьмого в выходные.

А уже было начало девятого.

Ответа не последовало.

— Деда? — переспросила Саша, слыша, однако, в телефонной трубке странное дыхание. — Что с тобой, деда?

Ответа опять не было, и только через какое-то время до нее донеслось странное мычание:

— *Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...*

А потом связь оборвалась.

Ей понадобилось около получаса, наверное самых страшных получаса ее жизни (даже еще более страшных, чем те, когда она, получив известие о сошедшей на Памире лавине, оглушенная, ждала звонка с сообщением, были ли в числе пропавших альпинистов ее родители), чтобы добраться с Васильевского острова на Петроградскую сторону.

Запыхавшись (пользоваться лифтом она не стала) Саша взлетела на восьмой этаж пешком и замерла перед массивной дверью дедушкиной квартиры.

Может, стоило вызвать *милицию*? Может, заодно и «*скорую*»?

Обо всем этом она подумала, конечно же, уже после того, как, сорвавшись, бросилась на квартиру к бабушке. Ведь ему явно требовалась помощь — или нет?

Потому что никого из чужих в свою квартиру дедушка не допускал уже многие годы, наверное даже десятилетия: он замкнулся в себе после ранней смерти от рака бабушки, некогда прима-балерины Кировского театра, — в себе *и* в своей квартире.

И он панически опасался, что его ограбят, тем более с учетом раритетов, которые украшали все стены четырехкомнатной квартиры. Поживиться у бабушки было чем: картин в его коллекции имелось больше двухсот, если не все триста: точного перечня не было, потому что дедушка и названия, и мастеров, и обстоятельства создания и приобретения знал наизусть, не доверяя бумаге.

Саша принялась судорожно звонить в дверь, а когда никто не ответил, стала стучать в бронированное полотно, которое поглощало все звуки.

Дверь дедушка через своих знакомых в Госбанке делал, и обошлось это ему в копеечку.

Саша вдруг вспомнила, что дверь стоит на сигнализации и что, быть может, имеет все же смысл обратиться в милицию...

Но ведь дедушка, который однажды чуть с ума не сошел, когда по причине прохудившейся трубы все же пришлось впустить в квартиру чужих людей (сантехника), ее за это явно по голове не погладит.

Не бросать же дедушку на произвол судьбы в квартире, забитой сотнями картин!

Саша развернулась, чтобы спуститься вниз, твердо намереваясь позвонить от соседей в милицию, как вдруг раздался еле слышный щелчок — и дверь приоткрылась.

Девушка влетела в темный коридор.

— Деда, ну что такое! Я вся извелась...

И едва не полетела на пол, потому что натолкнулась на дедушку, лежавшего на полу, — он, видимо, из последних сил сумел доползти до двери и открыть ее.

Саша склонилась над лежащим на паркетном полу стариком — и ужаснулась: один глаз у него смотрел разумно, другой, словно в поволоке, был полуприкрыт веком. А из уголка рта текла слюна.

Неужели у него инсульт или что-то подобное?

Обняв старика, Саша прошептала:

— Деда, все будет хорошо, я тебе обещаю. Я вызову сейчас «скорую»...

Дедушка стал отчаянно издавать странные мычащие звуки, потому что говорить он не мог. Но Саша поняла: он не желает, чтобы внучка вызывала кого-нибудь.

Погладив его по морщинистому лицу и поцеловав в лоб, Саша произнесла:

— Деда, так надо, ты же все понимаешь, тебе плохо, тебе нужен врач...

Дедушка, даже сраженный инсультом (это Саша поняла по симптомам), не перестал быть сложным человеком и не намеревался отказываться от своих принципов: мыча, он давал внучке понять, что не желает, чтобы кто-то чужой оказался в его квартире.

Но не бросать же его умирать только потому, что он панически боится воров и ограблений!

И это при том, что о его коллекции никто толком и не знал: ходили, конечно, слухи, что у эксцентричного, ведущего крайне замкнутый образ жизни академика Каблукова имеется пара раритетных картин, но о том, что на самом деле это пара сотен или даже две пары сотен, никто наверняка не знал.

— Деда, тебе нужна помощь, — заявила назидательно Саша, чувствуя, что разговаривает словно с ребенком, — неужели ты предпочтешь... умереть, но никого в квартиру не впустить?

А ведь вполне мог: если бы он не сумел доползти до двери и впустить ее, то пришлось бы вызывать милицию и взламывать это банковское хранилище.

И дело не в том, что тогда бы в квартиру попала масса посторонних, а в том, что длилось бы этого много часов, может, даже до вечера — и дедушка, кто знает, к тому времени вполне мог бы умереть.

А так он был еще живой, хотя и не в состоянии говорить и двигаться, и явно протестующий, судя по яростному мычанию.

— Я все двери в комнаты закрою, — пообещала Саша, хотя понимала, что снять десятки картин, висевших уже и в коридоре, вряд ли получится. — И в комнаты никого не пущу, обещаю!

А потом, несмотря на продолжавшиеся протесты дедушки, подошла к разбитому телефону, пищущая трубка которого валялась на полу (он, вероятно, приподнявшись с пола, сумел ее стянуть, а потом выронил из непослушных рук), положила ее на рычаг, а затем из кабинета дедушки, со второго аппарата, набрала «03».

Ждать пришлось недолго, «скорая» прибыла уже четверть часа спустя, и следя за тем, как миловидная энергичная фельдшерица делает дедушке инъекции, после которых тот успокоился, Саша поняла, что все сделала правильно и что дедушка теперь в надежных руках.

— Мы забираем вашего дедушку в НИИ Скорой помощи имени Джанелидзе, — произнесла энергичная фельдшерица, когда вместе со своим напарником, молодым прыщавым очкастым парнем, уложила дедушку на носилки. — Подозрение на ишемический инсульт...

Она сыпала медицинскими терминами, а Саша, таращась на притихшего дедушку, в ужасе думала о том, что спустя полгода после смерти родителей (тела их так и не нашли, но никто не сомневался: они, как и все прочие альпинисты, погибли) потеряет и единственного своего родного человека — дедушку.

— А это серьезно? Он *будет* жить?

Саша понимала, что вопросы, которые срывались с ее губ, банальны и даже глупы и что энергичная фельдшерица не может дать на них окончательного ответа, но разве она могла спросить *что-то еще*?

— Состояние серьезное и критическое, но не безнадежное, — заявила та и потрепала Сашу по плечу. — Вы единственная родственница или имеются и другие? Как нам с вами связаться?

Саша продиктовала номер телефона квартиры родителей, в которой теперь жила.

Теперь, после их гибели на Памире.

Тут дедушка, который, как она считала, был уже в медикаментозном забытии, вдруг снова замычал, и энергичная фельдшерица заявила:

— Пациент, кажется, что-то хочет вам сказать.

Саша склонилась над дедушкой и вдруг поняла, что он пытается из последних сил что-то вложить ей в руку. Это была связка ключей, которую он до этого прижимал к животу.

— Ы-ы-ы-ы... Картины-ы-ы-ы-ы...

Погладив дедушке по небритой щеке, Саша заверила:

— Не беспокойся, деда, я за всем прослежу. Ты хочешь, чтобы я, пока ты в больнице, жила в твоей квартире, чтобы с картинами ничего не произошло?

Дедушка сжал ее руку. Ну да, он при смерти, а думает об одном: о своей коллекции...

— Да, конечно, все будет хорошо. Но теперь вам, деда, пора. Я тебя навещу в больнице!

— Ы-ы-ы-ы-ы!

Похоже, дедушка на полном серьезе хотел, чтобы она, как и он сам, не покидала его квартиру, охраняя его коллекцию. Ну уж нет!

— Так, нам в самом деле пора, вы закончили? — спросила энергичная фельдшерица. — Или хотите поехать с нами?

Дедушка снова подал голос, явно давая понять, чтобы Саша *осталась*.

— Разрешите воспользоваться вашей ванной? — спросила энергичная фельдшерица, и Саша провела ее к одной из двух, которые имелись в квартире дедушки, а потом опустилась на стоявший в углу стул и закрыла руками лицо.

И почему это все обрушилось на нее? Ей девятнадцать, а она уже круглая сирота. Родителям было чуть за сорок, а они погибли на Памире. Дедушку же накрыл инсульт, и кто знает, он, может быть, и не выкарабкается.

И что *тогда*?

Тогда, судя по всему, она останется одна-одинешенька: без единого ближайшего (да и дальнего) родственника, но зато с несколькими сотнями дедушкиных картин!

Оторвав руки от лица и стараясь удержаться от слез, Саша вдруг поняла, что дверь в ванную комнату открыта. Встав со стула, она прошла в одну из комнат, дверь которой она специально прикрыла — и которая стояла теперь нараспашку.

Энергичная фельдшерница, промаршировав обратно из ванной не к бабушке в коридор, замерла на пороге, обводя взором стены, которые снизу доверху были завешаны картинами — в рамах и без, большими и маленькими.

— У вас тут прямо Эрмитаж! — заявила она хрипло, и Саша смущенно добавила:

— Дедушка живописью интересуется.

Энергичная фельдшерница же, пройдя через всю комнату к большим, во всю стену, окнам, захлебнулась от восторга:

— У вас отсюда Спас на Крови виден! А Троицкий мост, если разводят, ведь наверняка тоже? Вот это вид! Не то что у меня в Мурине...

Саша почувствовала себя крайне неловко — ну да, государство выделило ее бабушке, академику, профессору, дважды доктору наук, многолетнему декану географического факультета МГУ, вице-президенту Географического общества СССР, одному из основателей и заместителю главного редактора специализированного журнала «Геоморфология», еще в конце шестидесятых квартиру во Втором доме Ленсовета на Карповке, при этом на последнем, восьмом, этаже.

Бабушка вечно боялся, что с крыши кто-то может спуститься и ограбить его, поэтому долго стремился переселиться на этаж или два ниже, но в итоге, к счастью, оставил эту затею, потому что она была бы сопряжена с переносом всей его коллекции чужими людьми.

Ну да, Саша была в глазах этой энергичной фельдшерницы белой костью, никчемной внучкой кабинетного

ученого, к тому же создавшего свой собственный частный Эрмитаж, — и что с того?

Хотела бы эта энергичная фельдшерица, чтобы ее родители погибли при сходе лавины на Памире, а дедушку, единственного близкого родственника, хватил инсульт?

— Да, неплохо у вас тут, очень даже неплохо! — произнесла энергичная фельдшерица, осматриваясь по сторонам. — И как картин у вас тут много! Дедушкины?

Чувствуя, что праздное любопытство чужого человека ей неприятно, Саша ощутила небывалое облегчение, когда коллега фельдшерицы громко позвал ее, заявив, что *им пора*.

Уже в общем коридоре энергичная фельдшерица назидательно заметила:

— Вы держитесь, все будет хорошо!

Как все может быть хорошо, если уже *плохо*?

И только когда «скорая» увезла дедушку, Саша вдруг поняла, что знает лишь, что повезли его в НИИ имени Джанелидзе. До недавних пор НИИ располагался в центре, а потом переехал в Купчино.

Она даже толком не знала, как туда теперь добраться.

Чувствуя, что ей хочется плакать, Саша поднялась обратно на восьмой этаж, в опустевшую квартиру, забитую картинами и лишившуюся своего обитателя, дверь которой она, конечно же, несмотря на данные дедушке клятвенные обещания, попросту оставила открытой. Она долго возилась с разнообразными замками и сигнализацией (хорошо, что сразу после смерти родителей ей дедушка показывал: *на всякий случай*, и вот этот *всякий* и наступил), а потом, все же справившись, раскрыла окна и, несмотря на морозный воздух, достала пачку сигарет и закурила, глядя вдаль и стараясь ни о чем не думать.

Потому что было *страшно*.

Смена энергичной фельдшерицы Светланы Игнатьевны завершилась после трех, а домой, в пролетарское и расположенное на отшибе Мурино, она попала только под вечер. Дети, эти неблагодарные спиногрызы, конечно же, делать уроки и не намеревались, пришлось

с ними снова собачиться — старшая вздумала дерзить, поэтому пришлось в воспитательных целях оттаскать ее за волосы, а младшенький снова стал ябедничать на сестру, за что получил подзатыльник, а потом примирительный поцелуй.

Со своим дорогим супругом, отцом этих спиногрызов, Светлана Игнатьевна рассталась еще три года назад, после того как пронюхала, что он изменяет ей с их лахудрой-соседкой. Она выгнала его из дома, а он, собрав свои манатки, переселился к этой самой соседке.

Эта сладкая парочка, ничего не стеснявшаяся, и не думала переезжать, а вместо того мозолила глаза Светлане Игнатьевне своим показушным семейным счастьем, которое увенчалось теперь рождением малютки, дочурки ее бывшего и лахудры-соседки.

Какое-то время Светлана Игнатьевна хотела отравить этих негодяев, даже всерьез размышляла о том, при помощи какого сильнодействующего медикамента из тех, к которым она, работая на «скорой», имела доступ, это сделать.

Но в итоге никаких таких глупостей не совершила, потому что судьба, вероятно смилостивившись, послала ей новое счастье: Гришу.

Гриша был большим, лысым и немногословным. И — тут отрицать было нельзя — похожим на хряка. Впрочем, в тех кругах, где он уже давно и тесно вращался, у него такое «погоняло» и было: Хряк.

А круги, в которых вращался Гриша, были, надо отметить, далеко не самые академические, скорее даже совсем не: Гриша, являвшийся членом того, что теперь в СМИ новой свободной России было принято именовать организованной преступной группировкой, отмотал четыре года на зоне. А познакомилась Светлана Игнатьевна с ним во время одного из своих вызовов — она оказала исполосованному ножом пациенту квалифицированную первую медицинскую помощь, не стала никуда сообщать о более чем подозрительных обстоятельствах (ее вызвали после завершения одной из бандитских разборок) и даже взяла на себя уход за пациентом —

за соответствующую мзду, конечно: лечиться в *больничку* он не желал.

Да и не мог, потому что ему надо было находиться в строю, принимая участие в криминальной войне за передел сфер влияния в Питере.

А дальше Хряк превратился в сердечного друга Светланы Игнатьевны (и одним своим видом навел немалый страх на ее бывшего и его новую пассию — все же *мечь сладка!*), она стала регулярно оказывать медицинскую помощь кое-каким его корешам, а один из них весьма интересовался доступом к наркотическим средствам...

Дурой Светлана Игнатьевна не была, всегда соблюдала осторожность, но и свою выгоду упустить тоже не хотела. Наркотиками она не занималась, разве что *по-немножку*. А так лечила всех этих бандюганов, не желавших светиться в государственных учреждениях, имея с этого неплохой навар, а помимо всего прочего хапнув Гришу-Хряка в любовники.

Она знала, что была у него только номером два, так как у Хряка имелись жена и детишки, но тут уж выбирать не приходилось. В обычной жизни немногословный, в делах постельных Хряк был более чем энергичным, и это не шло ни в какое сравнение с бывшим Светланы Игнатьевны, который теперь лебезил перед ней и трепетал перед ее новым грозным приятелем, называя его при редких встречах по имени-отчеству.

Одного этого было достаточно, чтобы связаться с криминалом.

Ну а помимо морального удовлетворения Светлана Игнатьевна получала и кое-какое финансовое. На «скорой» она что зарабатывала — верно, сущие копейки! А тут еще и Союз накрылся медным тазом, и медицина вообще оказалась не у дел.

А настоящие дела вершили такие, как Хряк, точнее, как те, кто стоял над ним в криминальной иерархии. Хряк что, он был только тупой исполнительной шестеркой, однако Светлана Игнатьевна не намеревалась останавливаться на достигнутом.

А что, если организовать свою даже не подпольную, а вполне официальную частную клинику, клиентами ко-

торой стали бы Хряк и его кореша? Они режутся, стреляются и махаются каждый божий день, и в итоге всем нужна медицинская помощь.

Идея была заманчивая, и Светлана Игнатъевна работала над ее реализацией. Ну а пока что промышляла тем, чем могла: опять же, к примеру, наркотой, но в разумных пределах — слишком большую недостачу на «скорой» могли бы заметить.

Не пренебрегала Светлана Игнатъевна и возможностью посредством своей профессии оказаться в домах незнакомых людей. Разглядеть и разнюхать, кто и как живет — и, главное, что нажил.

И чем можно *поживиться*.

Не раз и не два давала Светлана Игнатъевна Хряку и его корешам наводки на занятные *хаты*, в которых побывала: там вот импортной техники полно, у этих мадам вся в золоте и мехах, тут дача в антиквариате или вот у безумной старушки, некогда звезды сталинских комедий, шкатулка с бриллиантами, да прямо *вот такими*.

С каждого подобного *гол-стопа* Светлана Игнатъевна имела свой процент, за этим она следила строго, все должно быть честь по чести. Раз наводку дала, то должна быть и награда.

Хряк заявился уже поздно ночью, и Светлана Игнатъевна, встречая своего милого, быстро подала ему водки. Тот, выпив, принялся приставать к энергичной фельдшерице.

После жаркого секса Светлана Игнатъевна извлекла свой козырь.

— Гришенька, я сегодня у одного старче была на квартире, там, в доме советской элиты на Карповке...

Гриша засопел, что, однако, свидетельствовало о его интересе: он уже давно понял, что Светлана Игнатъевна — еще та штучка.

— Ну, так называемое «Дворянское гнездо», где вся наша ленинградская *интеллихэнция* обитает...

Гриша продолжал сопеть. Светлана Игнатъевна, поглаживая его по безволосой жирной груди, заявила:

— Там у академика Каблукова Ильи Ильича ишемический инсульт приключился. Дедушку отвезли в Джа-

нелидзе и откачали: жить будет, даже, вероятно, без особых последствий, но, наверное, недолго.

Она расхохоталась, а Гриша начал ее снова тискать.

— Что, мой орел, тебе со мной хорошо? А будет еще лучше, когда я скажу, что у этого академика вся квартира в картинах!

Гриша перестал ее тискать.

— Нет, ты продолжай, продолжай, мне так приятно! И, поверь, я в живописи не особо соображаю, но это не все эти дурацкие пейзажи или идиотские портретики, которые на барахолке пять штук за два рубля продаются. Это настоящие шедевры! Ты знаешь, что такое шедевр, Гришенька?

Гришенька, вероятно, не знал, но догадывался.

— Там картин десятки, если не сотни! Прямо как в Эрмитаже! Ты когда был последний раз в Эрмитаже, Гришенька, наверное, когда в школе учился?

Вероятно, и тогда *даже нет*.

— Я так внучке этого старого хмыря и сказала, а она сразу смутилась. Ну, такая, из разряда тургеневских барышень. Там настоящий музей, и картины эти, поверь мне, стоят ой как дорого! Их если коллекционерам продать или вообще за бугор отправить, миллионы принесут. Слышишь, Гришенька, миллионы!

Гришенька отлично слышал.

— Старичок пока в Джанелидзе, я стану отслеживать, как долго он там будет находиться. У него только одна эта внучка, студентка, наверное. Больше, как я поняла, никого нет. У такой всю дедушкину коллекцию изъять — раз плюнуть!

Гриша снова принялся проявлять сексуальную активность.

— Ты ведь у себя наверх сообщишь, Гришенька? Только учтите, я хочу свой процент! И там просто гольной силой не возьмешь, дверь как в банке, сигнализация, причем кодовая, замков хитроумных — масса! А ключики-то у внучки...

Наконец Хряк подал голос:

— А девчонка-то хоть смазливая?

Ударив милого по лысине, Светлана Игнатьевна заявила:

— О чем ты думаешь, Гришенька? Не об этом думать надо, а о том, как у нее ключики изъять и без проблем проникнуть в дедушкину квартиру. Ну понимаю, думать — не твоя прерогатива. Ты знаешь, что такое *прерогатива*, Гришенька? Нет, ну и хорошо, что нет. Ты, главное, у себя наверх сообщи. И упомяни, что я хочу свой процентик...

Ее рука поползла вниз, и над остальными событиями той ночи в спальне энергичной фельдшерицы Светланы Игнатьевны опустим стыдливо занавес.

Телефонный звонок, прозвучавший в пустой квартире, вырвал Александру из тяжелого, полного клубящихся кошмаров сна и вернул в малорадостную реальность.

Подскочив, она, заснувшая на кожаной софе в дедушкином кабинете, схватила трубку телефона, стоявшего тут же, прямо на паркете, чтобы никуда далеко не ходить.

В случае *страшного* звонка.

— Алло, слушаю! — отозвалась она хрипло, и на другом конце раздался требовательный голос:

— Это Александра Ильинична Каблукова?

Ну да, она самая.

— Александра Ильинична, вашему дедушке стало намного хуже. Так что если хотите с ним попрощаться, то приезжайте в НИИ Скорой помощи имени Джанелидзе, причем не мешкайте!

В трубке раздались короткие, полные безнадёги гудки.

Все еще прижимая трубку к уху, Саша старалась отогнать от себя мысль о том, что дедушка...

Что он *умирает*.

А ведь два прошедших дня вселили, если судить по телефонным разговорам с лечащим врачом, осторожный оптимизм. Симптомы удалось купировать, паралич левой стороны тела, возникший по причине ишемического инсульта, прошел.

И вот ей звонят и говорят, что дедушке стало намного хуже. *Как же так?*

Однако размышлять времени не было. Стоял первый день марта, однако погода была премерзкая и после некоторой оттепели снова ударил мороз, в результате чего весь город страдал от гололеда.

Уже два дня Саша, переселившаяся в квартиру дедушки, не покидала ее, даже в Академию не ходила: *не могла.*

Все мысли кружились вокруг одного: что будет, если дедушка умрет. И она — после трагической гибели на Памире родителей — в течение нескольких месяцев теряет последнего родного человека.

Постоянно чувствуя себя уставшей, она большую часть дня спала: вероятно, это был ее способ справиться со стрессом.

Тогда, после схода лавины на Памире, она тоже все дни проводила в кровати или на кушетке.

Но кошмары в реальности, от которых она хотела убежать, продолжали преследовать ее во снах.

Спотыкаясь, Александра поднялась и, ежась от холода, поняла, что, накурив, снова забыла закрыть окно в соседней комнате.

Затворив его, она заметила налетевший в комнату мокрый снег, который осел на паркете. Она судорожно принялась его вытирать, а потом, поскользнувшись и больно ударившись коленкой об пол, уселась и заревела.

Дедушка при смерти, а она занимается черт знает чем. И все для того, чтобы не ехать в это самое НИИ в Купчино и не...

Не провожать дедушку в мир иной!

Может, все обойдется? Хотя наверняка нет: не такие там работают паникеры, чтобы звонить и просить приехать, потому что ситуация ухудшилась. Значит, потеряв в августе родителей, она потеряет в феврале дедушку.

Нет, уже в марте, сегодня же первый день весны...

Бросив мокрую тряпку в угол, Саша принялась одеваться, размышляя о том, как добраться до этого самого НИИ имени Джанелидзе в Купчино.

Тем более в десять часов вечера.

В Купчине она была раз или два: больше как-то не доводилось. Ну да, на метро, как же еще! Хотя могла бы и на такси, но дедушка подобного транжирства ни за что бы не одобрил...

Дедушка, который лежал при смерти в этом самом НИИ.

Поэтому, быстро одевшись, включив сигнализацию и долго провозившись со всеми замками (кто бы мог поверить, что в бронированной двери их было целых *пять!*), Александра отправилась к метро. Итак, насколько она помнила, ей требовалась станция «Московская», только вот какая это линия и где ей лучше всего пересаживаться?

...Выйдя из метро и поеживаясь на холодном ветру, Саша первым же делом поскользнулась и упала. Хорошо, что ничего себе не повредила, но все равно приятного мало.

Впрочем, о каких мелочах она думает, направляясь к дедушке, который при смерти.

Осмотревшись по сторонам, она не смогла понять, на какой автобус ей надо садиться: все равно никакого поблизости видно не было. Значит, отправится до НИИ пешком, тут надо, конечно, пешарить, и это в гололед, но разве оставалось...

Она снова упала.

Встать ей помог прохожий — симпатичный высокий молодой человек в ушанке.

— Не ушиблись, с вами все в порядке? — спросил он, подавая ей отлетевший по льду портфель. Зачем его Саша прихватила, она и сама не знала. Хотя знала: с вечера собиралась дедушку посетить, купила ему по бешеной цене мандарины...

Вот и тащила их в портфеле, в котором до сих пор лежали чужие, так и не оказавшиеся у своего хозяина конспекты.

— Да, спасибо, — поблагодарила Саша, и прохожий произнес:

— Такой жуткий гололед. И это в марте. Извините за назойливость, но вас, быть может, проводить? Еще раз извините, но, думается, вы надели не самую лучшую обувь...

Он был прав — она натянула легкие осенние туфли, другой своей обуви она в квартире бабушки не обнаружила, а у этой подошва была не для гололеда.

— Нет, спасибо, все в порядке! — заявила Саша, чувствуя, что на глазах выступают предательские слезы.

— Точно? — спросил ее прохожий, и она громко ответила:

— Да, точно! Не смею вас больше отрывать от ваших важных дел!

Симпатичный прохожий в ушанке удалился, а Саша пожалела, что так взъелась на него. Он ей помог, а она его откостерила. Но разве ей мог вообще кто-то помочь?

Она еле ковыляла, чувствуя, что в любой момент снова шлепнется на лед, однако ей требовалось вперед, куда-то туда, по темным улицам, к НИИ, в котором умирал дедушка.

И она во что бы то ни стало дойдет, во что бы то ни стало...

И снова полетела на грязный лед. В этот раз никто ей не помог, и услужливого симпатичного прохожего в ушанке рядом больше не оказалось.

И вообще никого в этот час и при такой погоде на улице не было. Обернувшись, Саша с тоской посмотрела на станцию метро, от которой она удалилась едва ли метров на сто, хотя была уверена, что прошагала уже километр, не меньше.

Она что, всю ночь и еще половину следующего дня будет идти? Может, все же взять такси?

В этот момент на улицу вывернула черная «Волга», которая, поравнявшись с ней, не собиралась проезжать. Стекла были спущены, и Саша узрела группку молодых типков не самой безобидной наружности.

— Эй, цыпа, куда хиляешь? — спросил один из них, демонстрируя свой золотой зуб. — Может, типа, подвезти?

Ну да, не хватало еще, чтобы ее такие вот молодчики подвозили!

Делая вид, что не замечает обращенного к ней нагло-го вопроса (тем более, что такое *хилить*, она не знала, но по контексту догадалась), Саша упорно шла дальше.

— Какая глуховатая цыпа! Шуруй к нам, у нас тепло, хорошо и очень сексуально!

Упорно глядя перед собой, Саша осторожно двигалась по темной улице.

Только бы не упасть, только бы не упасть, только бы не упасть...

Упала.

— У, какая ты, цыпа, неуклюжая! Что, перебрала маленько? Ну, такое бывает!

«Волга» с работающим мотором затормозила, и ее через пару мгновений окружили несколько типков, один из которых, склонившись, прогнусавил Саше в лицо:

— Ну, чего хиляешь невесть куда, поехали с нами! Повеселимся знатно, цыпа! Мы покажем тебе небо в алмазах...

Один из его дружков развязно добавил:

— И трусы в горошек!

Еще один идентично проквикал:

— Что, у цыпы трусы в горошек? А лифчик тоже? Или она вообще не носит? Цыпа может быть очень продвинутой! А давайте, парни, проверим!

Один из типов схватил ее и потянул по льду по направлению к «Волге». Саша, крича, принялась отбиваться, но понимала, что не справится с этими мерзавцами.

Другой схватил ее за брыкающиеся ноги, и субчики принялись засовывать ее в «Волгу». Саша, плача и кусая губы, дала себе слово, что ни за что не дастся в руки этим ублюдкам.

— Отпустите! У меня дедушка умирает! Мне к нему надо!

Зря она, конечно, надеялась, что сможет разжалобить этих субъектов подобным, тем более что они наверняка ее словам не верили, считая это тщетной попыткой избежать предназначенной ей судьбы.

Судьбы жертва группового изнасилования.

— А у меня бабушка рожает! Ладно, цыпа, перестань ерепениться, чего ты уж так? На тебе же написано, что ты хочешь, так что поехали к нам на хату.

Саша впилась зубами в руку одного из мерзавцев. Тот, завопив, ударил девушку. Чувствуя жгучую боль, Саша поймала себя на глупой мысли, что *надо было все же не экономить, а взять такси...*

Место укушенного типа занял другой, который, скрутив девушку, сумел-таки запихнуть ее на заднее сиденье «Волги».

— Стоять! Что тут происходит? — послышался грозный окрик.

Потом послышались крики и стоны, а через несколько мгновений кто-то рывком вытащил Сашу из «Волги».

Она, закричав, принялась размахивать руками — и вдруг увидела корчащихся на льду своих обидчиков, один из которых плевал кровью, а другой дергал головой.

Перед ней стоял тот самый симпатичный молодой прохожий в ушанке, который помог ей подняться около станции метро.

— Это же ваше? — спросил он, подавая ей портфель с конспектами и мандаринами. И, не дожидаясь ответа, безапелляционно заявил: — Идите за мной! Ну же!

И он протянул ей руку. Саша заколебалась, но в этот момент увидела третьего типчика, который, корчась на льду, доставал складной нож.

Схватив руку безымянного спасителя, Саша последовала за ним. И снова поскользнулась.

Тогда прохожий в ушанке подхватил ее на руки и побежал так быстро, насколько это было возможно с учетом гололеда и тяжелой ноши. Но на прохожем, в отличие от Саши, были валенки, которые позволяли перемещаться быстро и не опасаясь упасть.

— Прошу вас, поставьте меня! — произнесла Саша, крепче, однако, прижимаясь к своему спасителю.

— Вам что, плохо? — спросил тот, и девушка поняла: нет, ей хорошо, да так, как уже давно не было.

Они оказались у одного из домов, где прохожий осторожно посадил ее на скамейку.

— Спасибо вам, — произнесла Саша, — вы уж извините, что так вышло. Я даже не знаю, как вас зовут...

— Это взаимно, — ответил прохожий без тени улыбки. — Меня Федор зовут.

Как ее зовут, он не спросил, и Саша, ощущая неловкость, произнесла:

— Спасибо вам огромное, Федор! Даже не знаю, что и сказать...

— Скажите, что не будете шастать по ночам одна!

Саша вздохнула.

— Я с Петроградской стороны. Мне надо в НИИ, к дедушке. Он... *умирает*.

Она сама не знала, почему рассказывает это неизвестному человеку по имени Федор, который спас ее от бандитов.

Тот, взглянув на нее, произнес:

— Я вас туда отвезу!

Саша, не веря своему счастью, произнесла:

— Но я не могу... Не хочу вас задерживать. Я пойду пешком...

«*Похиляю*».

Она смутилась, а Федор пояснил:

— Я живу тут неподалеку, и у меня имеется автомобиль. И вы меня не задерживаете, потому что мне некуда спешить.

В НИИ Скорой помощи никак не могли взять в толк, отчего Саша примчалась к ним: дедушке было совсем даже не хуже, наоборот, лучше, он точно не был при смерти, и никто ей, как ее уверяли в один голос, не звонил и приехать не просил.

Саша не могла поверить, что это так, решила, что дедушка, пока она была в пути, умер и от нее это скрывают. И только когда ее, несмотря на то что посетителей уже не принимали, в порядке исключения провели в палату и показали мирно спящего дедушку, Саша окончательно успокоилась.

В холле она наткнулась на Федора (уже без ушанки и без валенок, их он сменил в автомобиле), о котором, с учетом всей сумятицы, к стыду своему, и думать забыла. И увидеть снова была более чем рада, ощутив вдруг внезапное сердцебиение.

И про себя отметив, что без ушанки он еще привлекательнее, чем в одной.

— Значит, с дедушкой все хорошо? — подытожил Федор. — Так ведь это же отлично?

Саша никак не могла понять, кто же ей звонил, вероятно какая-то нерадивая медсестра, что-то напутавшая, однако ее сердце буквально пело.

Во-первых, дедушка был жив и даже, как объяснил ей дежурный врач, шел на поправку.

А во-вторых, она познакомилась с Федором — в ушанке и валенках.

Посмотрев на часы, Саша вдруг поняла, что уже почти половина второго ночи. Ей стало ужасно стыдно — и за сцену в НИИ, где она, кажется, вначале позволила себе несколько резкий тон, и в особенности за эксплуатацию ее спасителя Федора.

— Уже так поздно, вы и так потратили на меня много времени... — произнесла девушка, а Федор заявил:

— Ерунда. Что вы намереваетесь делать? Только не говорите, что поедете на метро, оно все равно до утра не ходит!

Ну да, не оставалось ничего иного, как отправиться обратно из Купчина домой на Петроградскую набережную, и для этого ей требовалось такси.

В этот раз жмотиться она *не станет*.

— Я вас отвезу домой, — произнес Федор. — Если, конечно, вы согласны...

Саша, которая была более чем согласна, все же заявила:

— Нет, вы что, уже так поздно!

— Тем более если вы отправитесь одна, то я не смогу заснуть и всю жизнь буду терзаться вопросом о том, доехали ли вы в целостности и сохранности до дома. Думаете, такие вот молодчики только в Купчине орудуют?

Нет, Саша так не думала.

— Но ваша семья будет против, ваша... жена. Ну или подруга...

Федор усмехнулся.

— Я живу один, жены у меня нет, подруги тоже. Я на юриста учусь, а вы?

Саша выпалила:

— На географическом факультете ЛГУ!

И вдруг поняла, что наврала своему спасителю — это бабушка так страстно желал, чтобы она там училась, а она ведь была студенткой Академии художеств имени Репина.

Того самого Репина, который нарисовал портрет бабушки ее бабушки.

Чувствуя, что краснеет, Саша заявила:

— Ой, извините, я все напутала, я учусь на искусствоведа, в Академии художеств имени Репина...

Еще раз усмехнувшись, Федор сказал:

— Ну, пока вы будете решать, где именно вы учитесь, на географа в ЛГУ или все же на искусствоведа в Репинке, я прогрею мотор. Вы ведь с Петроградской, как вы сказали?

И тут Саша поняла, что до сих пор не соизволила сообщить своему ироничному спасителю, как ее зовут.

— Александра... То есть Саша... Фамилия — Каблукова...

Федор, кивнув, ответил:

— Что же, Александра-Саша, думаю, поедем?

Когда автомобиль подкатил к дому, Саша, разомлевшая и даже немного задремавшая в теплом салоне, зевнула. Федор назидательно произнес:

— Вам теперь горячего чаю — и в постель. Что же, было приятно познакомиться, всего вам доброго. И берегите себя и бабушку!

Саша с готовностью согласилась:

— Да, да, горячий чай — то, что надо. С клюквенным вареньем. Вы ведь не откажетесь, прежде чем поедете к себе домой?

Федор, выключая мотор, произнес:

— Не откажусь!

Около двери квартиры пришлось повозиться, и когда они наконец попали внутрь, Федор, кашлянув, заметил:

— Сколько у вас, однако, замков...

Вводя код в сигнализацию (благо, что дедушка когда-то ей его сообщил), Саша смущенно ответила:

— Ну да, дедушка — человек со своими представлениями. А вы проходите, проходите...

И включила свет.

Федор, внимательно наблюдавший за ней, присвистнул, уставившись на стены, завешанные картинами.

— Ну, у вас тут прямо музей, частное слово! Это ведь все копии, не так ли?

Саша уклончиво заявила:

— Ах, я в этом не особенно разбираюсь, это все равно все дедушкино...

А если дедушка умрет, то станет, выходит, ее? Но дедушка ведь умирать не собирался, а, что просто превосходно, пошел на поправку!

И вообще, наверное, в искусствоведы она подалась именно потому, что с самого детства заворуженно рассматривала дедушкину коллекцию.

Ну и потому, что становиться, как дед и отец, геоморфологом она явно на намеревалась.

— Мы на кухне чай выпьем, вы ведь не возражаете? — произнесла Саша, заметив, как Федор замер перед стеной с картинами.

— Это что, Кандинский? — произнес он недоверчиво. — Точнее, копия, ведь так? А это Марк Шагал?

Ну да, в дедушкиной коллекции были ранние работы и того и другого, причем и того и другого *несколько*. А также Кузьмы Петрова-Водкина, Бориса Григорьева, Эля Лисицкого, Владимира Татлина, Михаила Ларионова, Алексея Явленского, Натальи Гончаровой, Марианны Веревкиной...

Ну и Репина с Пикассо — так сказать, *на десерт*.

— А вы что, в искусстве разбираетесь? — ответила она вопросом на вопрос.

Если не считать бригады «скорой помощи», Федор был первым за годы, если не целые десятилетия, чу-

жим человеком, попавшим в дедушкину квартиру. Но не могла же она посреди ночи оставить своего спасителя на улице или *не чаю хлебавши* отослать его обратно в Купчино.

— Немного, — признался он, — на уровне иллюстраций в «Крестьянке» и «Огоньке». Это ваш дедушка собрал?

Усадив гостя за стол на просторной кухне (стены которой также были в картинах), Саша стыдливо убрала плетеную корзиночку с давно окаменевшими пряниками: никаких других сладостей, кроме банки засахарившегося клюквенного варенья, у дедушки не было, а сама она пока что ничего купить не удосужилась, все последние дни провалявшись в постели.

— Интересно у вас тут, — произнес Федор, улыбаясь. — Как будто в музей сходил!

То ли от волнения, то ли от усталости у Саши из рук вылетела чашка и, приземлившись на пол, разлетелась на мелкие части.

Подойдя к ней, Федор произнес:

— Хоть я и гость, но разрешите мне похозяйничать у вас. Вы, вижу, устали...

Саша в самом деле чувствовала, что последние дни выбили ее из колеи и накопившаяся усталость вдруг разом навалилась на нее.

Усадив ее на табуретку, Федор произнес:

— Да вы вся горите! Как бы у вас простуды не было. Вы разрешите?

И приложил к ее лбу тыльную сторону своей ладони. Та была крепкая и прохладная — и Саше вдруг сделалось невероятно приятно.

Ей бы так хотелось, чтобы это длилось вечно, но вопрос Федора застал ее врасплох:

— А градусник у вас есть?

Был ли у дедушки градусник, Саша понятия не имела: наверное, да, но только вот *где?*

— Вам бы хорошо чайку с лимоном, однако, смотрю, у вас его нет...

В холодильнике у дедушки было хоть шаром покати: закупался он обычно по вторникам сразу на всю неделю, но *именно* во вторник с ним и приключился инсульт...

И чая не пил, уважая крепчайший черный кофе. Лимонов у него Саша отродясь не видела.

— Думаю, вам надо прилечь, причем немедленно! И не возражайте! На кухне я у вас разберусь и чаю приготовлю...

Ну да, если вообще найдет тут чай, что будет не так уж просто.

— Спасибо вам, Федор... — прошептала Саша и вдруг вспомнила, как он, подхватив ее на руки, уносил от хулиганов.

И вдруг произошло именно то, о чем она втайне мечтала: он снова подхватил ее на руки и сказал:

— Я отнесу вас на кушетку или софу, вы только говорите куда.

Схватив его за шею, Саша закрыла глаза. И, кажется, даже на мгновение прикорнула — во всяком случае, так Федору ничего и не ответила и пришла в себя от того, что молодой человек осторожно опустил ее на кушетку в кабинете дедушки.

Накрывая ее пледом, он произнес:

— Отдыхайте, я мигом!

Саша слабо запротестовала:

— Нет, так не пойдет, я вас на чай пригласила, а сама спать улеглась...

— Пойдет, — уверил ее Федор, — конечно же, пойдет! А теперь отдыхайте...

В себя она пришла, когда он нежно затормошил ее за плечи — в руках у него была большая чашка ароматного чая. Отыскал-таки дедушкины стратегические запасы в недрах кухонного шкафчика!

— Вот, давайте выпейте, только осторожно, маленькими глотками, он горячий...

Быстро глотая обжигающую жидкость, Саша, полусидевшая-полулежавшая на кушетке, вдруг поняла, что никогда в жизни не пила ничего вкуснее.

— Спасибо вам большое, Федор! Только мне так неловко, пригласила вас на чай, а сама... Вы хоть сами выпили?